

Мы дождались

А. АЛТУХОВ

Арсений Алтухов

Мы дождались!

<https://litres.ru/74384459>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герой-циник, потерявший любовь своей жизни Женю изза собственной слепоты, после долгих лет унижительного одиночества находит забытый чёрный бантик — и его сознание переворачивается. Он решает, что может переписать вселенную: дожждаться флуктуации энергии, которая обратит энтропию вспять, и время пойдёт назад. Тогда он вернёт Женю, воскресит мёртвых, исцелит все раны мира. Его воображение рисует райские картины всеобщего счастья — динозавры, хороводы, космос и вечный покой. Но чем ярче эти грёзы, тем яснее: это не научная теория, а гимн безумию, единственное лекарство от боли. Исповедальная проза на грани сюрреализма, где самая откровенная исповедь оборачивается дерзкой попыткой обмануть смерть. Для ценителей психологической драмы с философским подтекстом.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мы дождались!

Глава

Дорогой читатель, я уже давно умер. События, описанные в сей работе, разворачиваются в далёком будущем, но как же такое возможно? Как могут события относиться к будущему, да ещё и с давно почившим героем? Не торопись: в скором времени ты всё поймёшь. Я всегда был исполнен глубокой печали; в литературе меня бы нарекли «маленьким человеком»-это определение как нельзя лучше очерчивает суть моей жизненной драмы. В юности моё поведение и отношение к людям были проникнуты безнравственностью, даже чрезмерной, граничищей с ожесточённым цинизмом. Все мои товарищи представляли не как живые личности, а как бездушные инструменты, пригодные лишь для утоления собственных амбиций. Я не ведал, что такое любовь в её чистом, возвышенном смысле; моё восприятие этого чувства застыло на платоническом уровне, лишённом подлинной теплоты. Тогда мне было безразлично, какие бури бушуют в душах других людей; да и если бы я искренне желал стать иным, мой рассудок, холодный и расчётливый, не позволял вести себя достойно. Он с изощрённой изобретательностью выстраивал хитроумные схемы, лишь бы я не поддался слабости и про-

должал исполнять роль бесстрастной, расчётливой машины, подвижной одной лишь практической выгодой. Откровенно говоря, у меня имелась роковая слабость-девушки. Я неизменно оказывался падок на интимную связь, жаждал ласки и покорности, словно изголодавшийся путник-глотка воды. Не ведаю истинных причин такого поведения, да и, по правде сказать, они не играют решающей роли: всякое действие-это явление, и тщетно искать его истоки, пока научный прогресс не вооружил нас знанием, способным пролить свет на эти тёмные уголки души. Одну из девушек, на которую пал мой страстный, но лживый и почти звериный взгляд, звали Женей. Наша история бесконечно длинна, и я не стану раскрывать её в этом сочинении-она подробно изложена в иной работе. Да и эти мемориальные записки едва ли играют перво-степенную роль в данных очерках. В тех отношениях я повёл себя, честно признаюсь, недостойно. Мы неоднократно возобновляли связь и вновь расставались; я изменял ей и делил с ней измены, став её первой любовью-и одновременно источником бесчисленных душевных ран. Минуло немало времени с тех пор, как свершились те горькие деяния. И всё же на протяжении всей своей жизни я неизменно выделял Женю как лучшую из спутниц почти во всех отношениях-и это чистая правда: никто не мог сравниться с нею, но осознание этой истины пришло ко мне слишком поздно. Порой мне кажется, что эти слова-лишь жалкие оправдания моих постыдных поступков. Когда в моей израненной, истерзан-

ной душе наконец утихла бурная страсть ко всем прочим девушкам, я с пронзительной ясностью понял, что всегда нуждался именно в таком человеке, каким была моя Женя-в её тихой силе, в её способности пробуждать в душе что-то светлое. К тому моменту горькое прозрение пробудилось в моём сознании с мучительным опозданием. Помню тот миг, когда она в последний раз написала мне, исполненная надежды всё вернуть. Но в ту пору я был всецело поглощён страстью к другой девушке-порочной до безумия, но невероятно прекрасной, пылкой, необузданной, поистине безумной. В тот миг иных критериев для выбора спутницы у меня не существовало, и она соответствовала всем моим искажённым меркам. Полагаю, нет нужды даже догадываться, чем завершилась эта история: тогда, как ни удивительно, я не пожелал изменять своей даме, с которой мы тонули в огненном водовороте страсти. Мои ответы Жене были ледяными, скупыми, односложными; я не выказывал ни малейшего интереса к общению, хотя, буду с вами предельно откровенен, оно манило меня с почти болезненной силой. И всё же я держался, наивно полагая, что эта показная верность-нечто добродетельное. Со временем эта связь с искусительницей угасла. Я не стремился к новым отношениям и бесцельно скитался, словно тень, лишённая опоры; моя жизнь превратилась в унылый ручей небытия-её едва ли можно было назвать жизнью: то было лишь бесцветное существование. И вот однажды на меня снизошло внезапное прозрение: я осознал, что потерял

и отчаянно скучаю по тому, что тщетно искал в чередѣ порочныхъ связей, державшихся лишь на мимолѣтной страсти. Я словно прозрѣл: мнѣ чудилось, будто я бегу впередъ, заливаясь слезами, туда, гдѣ ждѣт моя Женя. Я плакал от горькаго счастья, оттого что мой греховный путь наконецъ завершился. Мнѣ грезилось, что я паду къ ногамъ любимой и прошепчу: «Наконецто я всё понялъ-мнѣ не нуженъ никто другой. Я любилъ и люблю тебя!» Но творецъ уготовилъ мнѣ заслуженное наказаніе-хотя въ конечномъ счѣтѣ я сумелъ его перехитрить! Но въ чёмъ же заключалось это наказаніе-за то, что я столь безрассудно отвергъ даръ, превышающій ценность трудовъ величайшихъ философовъ и учёныхъ, превосходящій значимость жизни любого земнаго существа, важнейшій, чемъ единый законъ вселенной? Въ тотъ мигъ, когда мой измученный, потрепанный рассудокъ наконецъ постигъ, чего жаждетъ моя душа болѣе всего на свѣтѣ, Женя уже была съ другимъ. Ну и что съ того? Въ моёмъ сознании тотчасъ родилась дерзкая мысль: «Она уйдѣтъ отъ него-я ведь не разъ отбивалъ её у другихъ!» Но нѣтъ: они были понастоящему счастливы, и она полюбила его куда сильнѣе, чемъ меня; да и его чувства къ ней были глубоки и искренни. Онъ воплощалъ её идеалъ и, честно говоря, былъ куда прекраснѣе меня. У её возлюбленнаго не доставало лишь одного качества-силы; а вотъ её-то у меня какъ разъ было въ избыткѣ. Тогда въ моёмъ умѣ зародилась мрачная идея: если Женя не желаетъ быть со мной по доброй волѣ, я заставлю её. Я замыслилъ убить его. Очень, очень долго я разыскивалъ адресъ, гдѣ они

жили: использовал всевозможные программы, подговаривал общих знакомых, пускался на разные уловки-но всё было тщетно. Множество попыток потребовалось, прежде чем я осознал простую истину: я не Рогожин, не Клод Фролло и не Хитклиф. Если бы я в итоге лишил его жизни, то попросту оказался бы за решёткой, а мой драгоценный лучик света навсегда возненавидел бы меня. Пришлось отказаться от этой безумной затеи. Я продолжал, подобно бездомному псу, униженно молить о возвращении в родной дом у своей хозяйки. Каждый раз, приходя к двери того места, где когда-то ощущал уют, я пребывал в ужасающем состоянии. Не помню точно, но, вероятно, по пути я вступал в драки с такими же отверженными дворовыми псами, которых, подобно мне, безжалостно выставили за порог. Хотя нет-я был даже хуже: меня не выгоняли пинком; я сам, словно обезумев, искусал хозяйку, затем повилял хвостом и убежал на мнимую свободу, а после вернулся-жалкий, беспомощный, грязный, сломленный пёс. Вскоре я оставил попытки вернуться в тот дом: понял, что отныне мне там не рады. С той поры между нами существовал лишь один канал связи-я следил за её социальными сетями. Там мне приходилось созерцать фотографии, где она позирует с пышными букетами, снимки с годовщин, милые видеоролики с ним. Тогда во мне вскипала ярость; я проклинал свой телефон, словно последний еретик, и едва сдерживался, чтобы не сорваться с места, не дать волю рукам и не покалечить ненавистного соперника-вора, похитив-

шего моё счастье, которое я сам так легкомысленно, с паразитическим равнодушием вручил в чужие, якобы «добрые» руки. Фу, читаю нашу историю-и хочется вырвать себе сердце! Я тот, кого всегда презирал и ненавидел! Этот классический, всем до оскомины надоевший образ, напыщенный и жалкий, вечно гнезвился во мне, отравляя каждый миг. Ладно, отбросим эмоции. Далее я оставил все попытки вернуть её и словно растворился в серой пустоте-перешёл в аморфный режим. Стал злым, угрюмым, печальным и бесконечно посторонним-будто выпал из человеческой жизни, откололся от социума, как льдина от берега. Я жил в ветхой однушке, где воздух был пропитан горечью и едким запахом дешёвого табака. Табак, в отличие от продуктов, у меня лежал в бараке целыми блоками. Вначале ни один день не начинался без слёз, но вскоре силы покинули меня-и слёзы тоже иссякли. Тот период жизни можно описать как сплошной белый шум: казалось, этот мерзкий, назойливый гул навек поселился в моих ушах. Я всеми силами пытался его заглушить, срывался, пытался задушить его, стирая пальцы в кровь о собственные виски, но всё было тщетно. Тогда мне казалось, что мой злейший враг-вовсе не возлюбленный Жени, а этот проклятый шум: он издевался надо мной, насмехался, шуршал, шипел, выводил меня из себя. Представьте моё отчаяние: даже волны, разбиваясь о берег, словно доказывали мне мою ничтожность. Я кричал и сражался со стенами-с этими ненавистными, глухими, равнодушными сте-

нами моего ненавистного дома! Ох, как же я кричал тогда! Мои исхудавшие руки давно утратили былую силу; костяшки на кулаках вечно выпирали, холодные, бледные, уже пару лет как беспомощно слабые. Помню, как каждый раз, сидя на раскладушке, я тёр свои ладони, будто пытался стереть с них саму память о прикосновениях, пытаюсь хоть так обрести покой. Да, возможно, у меня был яркий психоз-я этого не отрицаю. Но мысли о реабилитации были мне так же отвратительны, как и всё остальное в те дни. Максимум, на что я был способен в отношении своего здоровья-это поддаться соблазну подсесть на что-нибудь. И единственная причина, по которой я так и не прикоснулся к веществам, заключалась в их абсолютной бессмысленности: если бы я и обратился к ним, то лишь от скуки, от пустоты, от желания заполнить тишину хоть каким-то ядом. Помню до сих пор эту внутреннюю ненависть ко всему сущему. Любой шорох мог выбить меня из хрупкого равновесия, превратить мою келью в поле битвы. Повторюсь: я не терпел звуков-они вбивались в мозг, как иглы. В тот мрачный отрезок моей жизни, стоило собакам за окном разразиться лаем, я, словно одержимый, вскакивал с дивана, начинал орать, крушить и без того скудный гарнитур. Я ломал свою пожелтевшую лампу, швырял раскладушку, покрытую тёмными пятнами, а потом падал на пол, обессиленный-то ли от хронического недосыпа, то ли от того, что почти не ел, а скорее всего, от всей этой горечи разом, от тяжести, сковавшей каждую мышцу. Воз-

можно, все три причины слились в одну убийственную усталость. Покой я мог найти лишь в книгах-да и то далеко не во всех. К литературе я относился с беспощадной строгостью. Мне были близки Камю, Сартр, Гюго, Достоевский, Тургенев, Гессе-в их строках я находил мрачное родство, эхо собственной боли. Если же книга казалась мне недостойной, я швырял её в сторону и обрушивал на её «скудное существование» целую лавину проклятий. Таких слов, казалось, не произносят даже худшему врагу, а я разбрасывался ими направо и налево, осыпая упрёками неодушевлённые предметы. Это стало своего рода ритуалом моей рутины: у меня не было ни друзей, ни знакомых, чтобы излить на них эту ядовитую горечь, и потому весь мой гнев обрушивался на стены, на лампы, на книги, на пустые углы. Уверен: если бы у меня тогда был сожигатель, наш дом превратился бы в «Грозовой перевал» во власти обезумевшего Хитклифа. Странными были те времена-я и сам толком не знаю, как их описать. Помню, как плакал над «Евгением Онегиным», когда вдруг с пронзительной ясностью понял, что мы несём одну и ту же ношу-постыдную, банальную, глупую и, что самое горькое, вполне заслуженную. Моя ненависть и печаль никуда не исчезали, они просто затаились, дожидаясь момента, когда у меня снова появятся силы злиться. Но со временем я настолько устал от собственных истерик и капризов, что даже ярость стала непосильной ношей. Я помню эту точку невозврата: я лежал на кровати, и глаза мне резала бессон-

ница-я не мог сомкнуть век, не мог укрыться от этой внутренней тьмы. Я просто смотрел в потолок, не думая, не размышляя, а лишь существуя в этом тягучем, вязком моменте. И снова донёсся ненавистный лай, но на этот раз не было ни бешенства, ни злости, ни криков. Я лишь глухо застонал и повернулся на бок. Мой рассудок окончательно устал. Я знал лекарство-тот самый препарат, который одной таблеткой мог бы поднять меня на ноги, вернуть силы и ясность. Но это лекарство больше не желало знать меня, отвернулось, как все остальные. Так я пролежал на своей грязной кровати ещё двое суток. Иногда я проваливался в короткий, тревожный сон, но каждый раз резко просыпался, будто от кошмара, хотя сны давно покинули меня, оставив лишь пустоту и ощущение, что кто-то впивается в меня когтями. Но никогда не было: бог оставил меня наедине с этими ненавистными стенами. Для социума я стал потенциальной опасностью, нестабильным изотопом, испускающим невидимую угрозу, или старым антиквариатом, который даже за бесценок никто не возьмёт на блошином рынке. В конце концов мне всё же пришлось встать. Ощущение голода оказалось сильнее апатии. Слава богу, что не нужно было идти на работу: небольшой капитал я получал с пособия. Думаю, если бы в этот удушающий быт внезапно ворвалась необходимость трудиться, я бы прыгнул в петлю в первый же день. Мне нужно было сходить в магазин. Еле натянув на себя давно не стиранную одежду, я взглянул на своё отёкшее, небритое лицо и с горе-

чью подумал, как сильно меня потрепало время. Раньше это лицо было красивым, свежим, оно разбивало десятки сердец, его ласкали множество рук. То время, когда я был обожаем и интересен социуму, казалось теперь утерянным навсегда. Я часто ловил себя на мысли, что тот фрагмент динамичной, яркой жизни я либо придумал, либо прочёл в книгах Жюль Верна-как вообще всё это могло происходить с нынешним доходягой? В тот миг я почувствовал себя Григорием Мелеховым, возвращающимся в родной хутор: сын узнаёт в лице бродяги своего отца-родного и любимого, но до неузнаваемости изломанного жизнью. Закупки были самыми обыденными: хлеб, колбаса и алкоголь. Большого мне и не требовалось-лишь что-то, чтобы просто выжить, не более. Думаю, не стоит дальше расписывать, какова была моя жизнь в тот момент. Так я прожил ещё два с половиной года, погрязнув в болезнях, антисанитарии и бесконечных жалобах соседей. Из «хороших новостей» у меня появились сожители-целая армия насекомых и грызунов. Я даже не пытался их прогонять, и, как ни странно, благодаря этому крысы не кусали меня. Повезло, что я не умер от бешенства, заразившись от своих новых «соседей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.